

«ЭТО БЫЛО ВО МНЕ»

В постоянной рубрике «Наш собеседник» газета знакомит читателей с людьми известными и менее известными, с личностями популярными и только начинающими свою карьеру. Сегодняшний гость рубрики — человек в городе довольно известный. Его песня «Тарские колокола» стала своеобразной визитной карточкой нашего таежного, провинциального городка, его газетные публикации всегда пользуются неизменным интересом у читателей, его фотоснимки заставляют иначе взглянуть на мир, окружающих нас людей. Сергей Владимирович МАЛЬГАВКО — поэт, журналист, фотохудожник. Нынешний год для него особенный. Он встретил свою сороковую осень. А в юбилей, так уж повелось, невольно возвращаешься в прошлое, пытаешься осмыслить прожитое и наметить планы на будущее. Об этом-то и пойдет разговор.

— Сергей Владимирович, что чувствуете Вы сегодня, перешагнув достаточно солидный возрастной рубеж? Нынешний Сергей Мальгавко отличается от того, каким он был, допустим, лет десять назад! — Конечно, я уже не тот. Хотя, если смотреть чисто по возрасту, то в этом смысле я изменений в себе не чувствую. Двадцать ли лет, сорок ли — я как был таким мальчишкой, так и остался. Другое дело, что внутренне стал более ответственным, взгляд на жизнь, несколько утратил свою прежнюю романтичность, стал более серьезным, даже в чем-то злым. В принципе, мое нынешнее состояние мне нравится. Сейчас во мне уже есть и мудрость, которая приходит именно с возрастом, и в тоже время осталась юношеская легкость. Подобное сочетание — это

то, чего раньше во мне не было. Был мальчик, который с легкостью жил, а сейчас, вроде бы есть уже богатый жизненный опыт. Благодаря этому, ты можешь мудро, здраво рассуждать о смысле жизни, о земле, о судьбах людских, думать о детях. Но я рад, что наряду с этим, во мне по-прежнему остались юношеский бзик.

— По-моему, это здорово. Ведь как раз сочетание мудрости и юношеской легкости и помогают находить контакт с людьми разными и по возрасту, и по характеру.

— Естественно. Ты можешь и со стариком поговорить и с семнадцатилетним. Вот, например, пишем музыку. Я могу легко общаться и с Владимиром Александровичем Шелевым — серьезным, солидным человеком, и также легко с Максимом Князьковым, другими ребятами — музыкантами. Я понимаю их, а они, слава Богу, понимают меня.

А работа в газете. Она же ведь тоже идет по тому же принципу. Чтобы найти контакт с нужным тебе человеком, ты, прежде всего, должен настроиться на его волну, поймать его как в радиоприемнике, и, если сумеешь это сделать — человек раскроется перед тобой, покажет свою душу, а не будет автоматически рапортовать: родился там-то, сделал то-то...

— На пригласительных афишах по поводу Вашего творческого вечера Сергей Мальгавко представлен в трех ипостасях: поэт, журналист, художник. Все это как-то взаимосвязано!

— Еще когда я только-только, после окончания института, приехал в Тару, в Омске проходила областная фотовыставка, в которой я, впервые, принял участие. А потом в газете «Вечерний Омск» было опубликовано большое интервью со мной, озаглавленное так: «С. Мальгавко: «фотография — это поэзия». Именно тогда, в 1984

году, в беседе с Валерой Куницыным, журналистом «Вечернего Омска», я открыл ему свою мечту, что хочу сделать книгу, в которой были бы мои снимки и стихи. Такой вот единый синтез. То есть, где-то в подсознании я давно шел к стихам, поэзии, это было во мне. В принципе, и сделанные мной за многие годы снимки, можно образно разделить на лирические, поэтические, мягкие, теплые, и публицистические — резкие, этаким а ля Маяковский в стихах. Мне кажется, что это естественный процесс: одно вытекает из другого, дополняет друг друга.

— Для меня, честно сказать, стало открытием, что Вы так поздно начали писать стихи. Мне казалось, что это увлечение идет из раннего детства!

— Вовсе нет. Хотя, будучи в школе, я пытался пару раз писать, для себя. Потом, когда учился в институте. Ну, мы там все писали, кто как мог, непонятно что. Я тогда даже техники не знал. Писал, потому что требовался выход изнутри, но все это было несерьезно. А вот где-то с 1994 года, когда Тара отмечала свой 400-летний юбилей, и мне пришлось заниматься сценарием праздника, потом осуществлять идею написания песен о городе, я задумался над поэзией серьезно. Люди стали говорить: «Вот Вы поэт...» Хотя для меня было дико слышать слово «поэт» применительно к себе. Ну, какой я поэт, меня это даже раздражало. Я говорил: «Нет, ребята, я же читал стихи настоящих поэтов, Ахматовой, Пастернака, других, и вижу как и что они писали, и что пишу я. Хотя башки-то у меня хватило». Вот так и стал постепенно втягиваться, почувствовал слово, желание появилось работать всерьез, думать. И сегодня я знаю, что из всего написанного, уж десять, двадцать стихотворений, точные, выстраданные, сде-

Окончание на 2 стр.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

поэта, журналиста, фотохудожника

Сергея МАЛЬГАВКО

«УГОЩАЮ РЯБИНОЙ...»

В ПРОГРАММЕ:

Концерт песен на стихи автора, выставка художественных фоторабот, поздравления друзей и коллег.

ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Творческая студия «Консонапе» (рук. Д. Шелев), оркестр русских народных инструментов (рук. А. Федоров), вокальный ансамбль «Капитана» (рук. В. Шнитко), оркестр духовых инструментов дома-школы им. Д. М. Карбышева (рук. Ф. Саратова), хореографический ансамбль «Весна» (рук. Л. Шамсутдинова), солисты Ирина Фреер, Сергей Шиковец, Евгений Терещенко, Владимир Шелев, Галина Власова и другие, а также популярный омский исполнитель Алексей ГАЛИЗДРА и поэтесса Татьяна ЧЕТВЕРИКОВА.

24 ОКТЯБРЯ 16 ЧАСОВ ТАРСКИЙ РДК

Цена билета 5 рублей.

Открыта предварительная продажа билетов в кассе РДК.

В ПРОДАЖЕ: магнитный альбом с песнями на стихи С. Мальгавко (цена — 15 рублей), художественные цветные фотографии с видами Тары (от 6 до 150 руб).

„Люблю тебя, нежнее грусти...“

Оконч. Нач. на 1 стр.

лантные чисто и по мысли, и по форме. Но много же было и бляки.

— Ваши стихи рождаются в муках, или легко, непринужденно. Что служит для этого толчком?

— Все идет от жизни. Хочется сказать о всем, что наболело. Не помню, кто сказал фразу: «В стихах невозможно обмануть», но это очень точно сказа-

все было на самом деле. Это все пережитое. И я например, иной раз пишу стихотворение и чувствую фальшь, тогда говорю себе: «Сергея, ты врешь».

— А у Вас никогда не возникало желания заново переписать свою судьбу? Ну, вот, предположим, представилась Вам такая возможность...

— Нет. Знаешь, у меня в одном стихотворении есть такая строчка: «Глу-

как любит. Одним словом: «ни о чем не жалею, если жить обречен в центре провинциальной России...»

— Кстати, о провинциальной России. Вот Вы человек городской: родились в Омске, учились в Москве, и вдруг осели в Таре.

— Я никогда не сожалел, и не буду сожалеть, что выбрал именно этот провинциальный уголок, с его чудесными пейзажами,

художник, стремится, куда-то уйти. Посмотри, не стал же Солженицын жить в центре Москвы, и Астафьев не лезет в Москву, а едет в глухую деревушку и там пишет. В такой среде легче себя сохранить. Ты становишься ближе к звездам, траве, листьям, впитываешь все это в себя, и творишь.

— Сергей Владимирович, в Ваших стихах часто упоминаются кресты, купола, церкви. Вы человек верующий?

— Нет. Но, это в том смысле, что «лбом не бьюсь я у иконостаса». Понимаешь, я не фанатик. Однако, мне дороги кресты, и в душе у меня что-то такое есть, я это ощущаю.

А вообще, я всегда говорю, что Бог — это наша созвездия, это то, что внутри тебя, не показное. Вернись со свечкой в храме, или крест кладезь. Верить — это значит, поступать по-божески, по-христиански. Если ты сам себя изводишь, если совести твоя неспокойна, значит, что-то есть в тебе, значит человек ты не потерянный.

— А талант человеку дается от Бога?

— Когда еще в школьные годы я ходил в фотостудию к Борису Васильевичу Чигишеву, он заставлял меня вести творческий дневник, в котором я записывал о том, что сделал, что снял, о чем думал. Так вот, на первой страни-

це дневника я написал слова, сказанные когда-то Петром Ильичом Чайковским: «Талант — это 99 процентов труда, и один процент от Бога».

Мне кажется, естественно, в человеке должно быть что-то заложено, но, помимо всего, важно еще и то, в какой среде он обитает. Вот если бы я не попал в детстве к Борису Васильевичу Чигишеву, если бы не уехал после школы в Москву, не поступил в институт, и не стал врашаться в творческой среде, возможно, я бы не был сейчас тем, кем есть. Средой, в которой я обитал, меня образовывала. Мне очень везло на хороших людей. Даже когда я в армию пошел, мой мастер по кинорежиссуре Владимир Александрович Храмов в течение двух лет писал мне открытки: «Сергея, читай то-то и то-то», чтобы я не сдох там, не раскис. И я шел в библиотеку, брал Тургенева, Достоевского, и читал.

Сегодня, общаясь в Таре с художниками, музыкантами, я тем самым, подпитываю себя, образовываю. Мы обогащаем друг друга.

— В одной из Ваших песен есть такая строчка: «все вопросы в моем рюкзаке...», хочу спросить, рюкзак еще не полегчал, вопросов много осталось?

— Предостаточно. Гораздо больше, чем ответов. Да ты и сама знаешь. Даже по работе съездишь

куда-то в командировку, и вернешься с уймой вопросов. Их ведь сама жизнь задает. Хотя сегодня, возможно, в связи с возрастом, я чувствую себя гораздо уверенней, у меня есть твердая почва под ногами. Я не растерян, и знаю, чего хочу от этой жизни, что мне нужно взять.

Человек живет, думает, пока сомневается. А если сомнений нет, значит, это самоуверенный болван.

— Сегодняшние свои мечты, планы Вы можете обрисовать?

— Дети подымают на ноги. Книгу хочется издать — сборник стихов. Рукопись уже сдана, но пока нет финансов. Потом, еще поработается такая идея — издать фотоальбом с моими фотографиями, стихами, текстами, то есть, хочу рассказать с помощью альбома о том, какой я есть. Но это все очень сложно, решается на уровне области. Издание достаточно дорогое, требует приличных затрат, но, в принципе, если захотеть, можно сделать.

— Спасибо за беседу. Мне остается только пожелать Вам удачи в покорении новых творческих вершин, и напомнить нашим читателям, что 24 октября в 16 часов Сергей Владимирович Мальгавко ждет к себе в гости на творческий вечер всех тарчан.

Вела беседу
И. БЕРГУТОВА.

„Это было во мне“

но. Поэтический обман сразу же чувствуется, люди понимают, что это лажа, сделанная на заказ. Такие стихи рассыпаются, ломаются. А когда строчки идут от сердца, из подсознания — это уже твое. Какой-то кусочек судьбы, событие, какая-то мелочь тебя зацепила крепко и ты ее раскрутил.

Я думаю, что тем, кто хочет узнать о жизни, судьбе того или иного поэта, вовсе не нужно копаться в автобиографии. Лучше взять сборник его стихов и прочитать. Настоящий поэт всю свою жизнь обрисует в стихах. Конечно, сказав об этом не прямо, а косвенно, подстрочно, но и так становится ясно, что вот того-то он любил, то-то ненавидел, и это

по с кем-то меняться судьбой. Нет смысла это делать, бесполезно. Уж что есть, то есть.

— Но ведь были же в жизни какие-то ошибки, промахи, которые до сих пор гложат тебя изнутри и хочется о них забыть?

— Были, конечно. Сколько угодно. Я об этом часто думаю, когда плохо, когда полоса черная, когда в запой уйдешь, в больницу попадешь, что-то еще. А потом думаешь — ну, и что. От себя то все равно никуда не убежишь. Да и опять же, если захочешь сменить что-то плохое, значит и то, что в жизни было хорошее, тоже сменится. А этого жалко, оно мне дорого. Впрочем, надо жить так, как живется, как дышится, как пишется,

белым снегом, тайгой. Я нашел здесь свою тему, той самой «провинциальной России». Мои снимки об этом, стихи, журналистские материалы. Я сам, в принципе, об этом.

Конечно, у меня была возможность остаться в большом городе. Ну, и что. Возможно, работал бы я в газете, был бы, там, может быть, на хорошем счету, но я бы не был тем Сергеем Мальгавко, каким я есть сейчас — я бы не писал стихи, у меня не было бы таких снимков.

В провинции другой ритм жизни, другая атмосфера, локтей меньше. По идее творчество — это одиночество. Творя, человек должен оставаться один на один с собой, с небом, с чувствами. Любим писат-

Мы, любители поэзии, ждем литературных страниц местной газеты и радуемся встречам с новыми стихами наших поэтов, новыми темами, поэтическими находками, с удовлетворением отмечаем их творческий рост.

Первые стихи Сергея Мальгавко появились у меня в рукописном сборнике «Тара литературная»,

настроения, витающие в общественной жизни 90-х годов, по-своему приоткрывает извечные тайны трагизма человеческой жизни, стремится найти в окрестностях мира то, что еще достойно веры и любви.

Социально — критические мотивы просматриваются и в «Переходе», в стихотворении «Выжгло

В его стихах «так праведно светятся крыши в про светеленном наскозье городке», «силой заговоренной налиты, видно, грозды рябины в саду», «порусски щедрый листопад», «на красном парашюте кленовый лист с ветвей скользит», «опушилась вокруг тишина легкой шалью из шерсти домашней», «бомж санитарит в городе Таре...»

Поэт счастлив, пока есть «уголок, где поженски ласкаясь, грозды рябины стучится в окно». Родная природа врачует его душу, в ней он ищет «берег-веры», «один на один с тишиной» пытается найти ответы на тревожные вопросы. И еще душа его тянется к храму «повиниться за склонность к грехам. Мы, как листья грошовой, сгинем, храму веры лишь свято стоять...»

Для передачи своих философских мыслей Сергей находит строгие в своей тонности афористические словесные выражения. Его метафоры и развернутые сравнения, порой, неожиданны: «сам я блым пухом летел вдоль по улице...», «мы, как листья грошовой, сгинем...» и др.

Вся поэтическая деятельность Сергея Мальгавко свидетельствует о том, что он пробует свои силы в разных жанрах. Его поэзии чужда лучезарная благодать, дежурный оптимизм, или тоскливая раслабленность; она передает особую энергию доброты, душевной чистоты. Ему хочется «словами нежными обогреть на столе белый лист», хочется, чтобы малый городок «был далек от российской общей смуты».

Стихи Сергея Мальгавко приоткрывают нам в живом мире многое ранее не замеченное, и мы становимся духовно богаче.

Е. КАБАНОВА.

Уголок поэзии

Сергей МАЛЬГАВКО

Мимо белого храма

Вдоль обочины справа —
Деревенские срубы.
Как лечебные травы
Чуть горьки твои губы.
Есть для хвори причина:
Жму на «газ» я упрямо,
И все мчит машина
Мимо белого храма.
В ней безмолвствуют двое,
Им слова не даются.
О стекле любовое
Насмерть бабочки бьются.

Все обретает смысл и
стимул,
По швам трещит старье
листвы,
Твое восходит к солнцу имя
На острых кончиках травы.
Я ж легкомысленный
попутчик
Твой — наугад и неаппетит,
Но кто меня сыграет лучше
На белых клавишах берез?

Грустят скворечни.
Из труб — дым.
Я в доску здешний,
Надев пимы.
Дотлели угли
Моих рябин.
Теперь смогу ли
Не пить злых вин?
Себя мытарю
Я, впрочем, зря:
Скрипит вся Тара
Снежком с утра!
И дать охота
Зарок от бед,
Заснять на фото
И снег, и след.
И рядом выход —
Порог и Бог,
Но через выдох
И через вздох
В свет первозимья
Я дверь души
Рванул во имя
Родной глуши!

Осенняя Тара

Н. Кальницкому

По-русски щедрый листопад
Позолотил бульвар задаром,
С утра блестит его наряд,
Как медный бок у самовара.
И в дождевую бочку лист
Упал. И срубы почернели.
Темны стволы раздетых лип,
И в парке вымокли качели.
Отмыт дощатый тротуар
Ночным дождем от желтой глины,
Стоят у входа на базар
В прозрачных склянках георгины.
Люблю я поздние цветы
В умытых тарских палисадах,
Старушек с лицами саятых,
С щемящей жалостью во взглядах.
Осенний свет вбираю впрок,
И век не кажется жестоким.
Когда мне дарит городок
Дожди, дворы и водостоки
И прель ливни на мостовой,
Палитру, кисти и этюдник
На трех ногах, такой чудной,
Мой друг художник тоже чудик.
Неравнодушен я к холстам,
Где краски те, что под ногами,
Где входил в осень будто в храм
Под золотыми куполами.

Взошла звезда, за ней другая,
Искрилась тихая вода,
Темнела лодка, отдыхая
От бескорыстного труда.
Сгущалась тьма. Трава сырела.
Слабел костер и я замерз.
И вот тогда, покинув тело,
Душа согрелась возле звезд.
И я вздохнул за всю планету,
За все прошедшие века,
За лодку старенькую эту,
Траву в росе и горсть песка.
Сводил мой вздох конец с началом,
Угли костра и свет звезды,
И вечность сроку мне давала
Короче вспыхи бересты.
Все может быть, но только в числах
И сроках грубой сути нет,
Но верю, есть крупица смысла
В подзвездной суете свет,
И вновь вздохну, витая в небе
И небеса благодарю,
Где петушит свой алый гребень,
Ликуя, новая зоря.

„БЕРЕГ ВЕРЫ“

потом в сборничке «Что сердцу дорого»; радовали публикации в «Омской правде», альманахе «Иртыш» (№ 1, 1998 г.), замечательные и высоко оцененные «Крестьянским словом».

Его поэзия многоплановая, но главное в ней — философские раздумья; говоря словами Б. Пастернака, «во всем мне хочется дойти до самой сути». Это слитность поэтического Я и поисков, вопросов — ответов, разгадок.

Мне ответить еще предстоит
О чем стая бескрылых
скаворешен
В холода терпеливо
грустит...
...Разберусь почему над
страной
Караваном сирот летят
птицы?

Почему так гудят провода
На столбах вдоль
размытой дороги?
Почему по России беда
Обивать не устала пороги?
Неужели другой нет
судьбы,
Чем распятой быть
дважды России?

Все вопросы в моем
рюкзаке...
Может быть, поэтому
Сергею и удалось завла-
деть нашими сердцами,
роду и нас, своих земля-
ков.

солнце верхушки деревьев». И веришь, читая, что «бьет-ся малое сердце деревни, на моем оставшая рубцы». Даже в небольшом, казалось бы, сугубо личном «Я по метрике осенний», сквозит не дающая ему покоя мысль:

Боль за Родину
в наследство
Я сынам моим отдам.
Наблюдая банальные
картинки на автовокзале,
поэт восклицает:

Эх, народ! — любовь и
наказанье,
Господи, его ты
приголубы!
Воскреси, как Лазаря
когда-то,
Помоги отринуть тлен
и срам...
Вот так обнаженно про-
рывается боль за челове-
ка.

Надо заметить, что все стихи носят откровенно — исповедальный, доверительный характер, автор идет к нам с открытой душой, делит с нами свои прегрешения, тревоги и надежды. Просто он любит свой город (будем считать его тарчанином, а не оми-
ном; кстати, он сам имен-
но им мыслит себя), любит неброскую, скромную при-
роду и нас, своих земля-
ков.